

Anna Korzeniewska-Lasota

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

e-mail: annakorze@wp.pl

telefon: 515 688 377

DOI: 10.15290/mhi.2017.16.01.12

Советско-польские договоры от сентября 1944 г. – начало и обстоятельства заключения

SUMMARY

The Soviet-Polish agreements of September 1944 – genesis and circumstances of conclusion

The paper describes the genesis and the circumstances of the agreements concluded by the Polish Committee of National Liberation with the Soviet Socialist Republics of Ukraine and Belarus on September 9, 1944 and the Soviet Socialist Republic of Lithuania on September 22, 1944, regulating the relocation of the population and the impact their conclusion had on the signatory parties and the relocated population.

Key words: Republican Agreements, repatriation, relocation

Słowa kluczowe: Umowy Republikańskie, repatriacja, przeniesienie

Начало республиканских договоров несомненно связано с событиями, прошедшими 17 сентября 1939 г., т. е. с вступлением Красной армии на польскую территорию. Внешнее проявление территориальных требований Советского Союза по отношению к восточной территории Речи Посполитой – это результат многих действий, которые привели к германо-советскому сближению и к ходу событий, который закончился постановлениями о территориальных изменениях и о переселениях населения. Последствием этих всех событий было также заключение республиканских договоров о эвакуации населения.

Недовольство условиями Версальского договора, создание Советского Союза, великодержавное стремление Германии – вот все, что оказало влияние на систему международных отношений. В итоге это привело к заключению договора о ненападении, известному как пакт

Риббентропа – Молотова¹. Обе Договаривающиеся Стороны обязались «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами»². Было также установлено, что в случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу³.

Заключение пакта Риббентропа – Молотова несомненно дало возможность Гитлеру начать агрессию против Польши. Тем более, что настаивания немецкой стороны привели к удалению оговорки об оказании помощи третьему государству, против которого осуществляются военные действия, если одна из Договаривающихся Сторон является их инициатором⁴.

Очередным ударом для Польши оказался также прилагаемый к пакту, неизвестный тогда польским властям⁵, секретный дополнительный протокол⁶ о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Из 2 статьи протокола явствует, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана⁷. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы

¹ Верховный Совет СССР ратифицировал пакт 31 августа 1939 г.

² Ст. 1 пакта Риббентропа – Молотова. Полный текст см.: *Białe plamy. ZSRR–Niemcy 1939–1941. Dokumenty i materiały dotyczące stosunków radziecko-niemieckich w okresie od kwietnia 1939 r. do lipca 1941 r.*, Вильнюс 1990, с. 58–59.

³ *Ibidem*, Ст. 2 пакта...

⁴ См.: М. М. Наринский, *Przyczyny II wojny światowej. Polska, Związek Sowiecki i kryzys systemu wersalskiego* в: *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)*, Варшава 2010, с. 212.

⁵ Секретный договор, в котором шла речь о разделе Польши, увидел свет только во время Нюрнбергского процесса. Однако с его содержанием американские, французские, итальянские дипломаты были знакомы уже на следующий день. 24 августа 1939 г. посол Лоуренс Штейнгардт передал Вашингтону информацию о его содержании. См.: P. Wandycz, *Okruchy historii. Telegram ambasadora Steinhardta*, «Zeszyty Historyczne», Париж 1988, № 84, с. 204–207, а также док. № 2: Leon Noel, Посол Франции в Польше в обращении к Министру иностранных дел в Париже, Варшава, 11 сентября 1939 г., в 14 ч. 14 мин., по: J. Łojek, *Agresja 17 września 1939*, Варшава 1990, с. 185.

⁶ Текст протокола в: *Białe plamy. ZSRR–Niemcy 1939–1941*, *op. cit.*, док. 33, с. 59.

⁷ Поспешность, с которой обе стороны подписали договор, привела к ошибке по поводу определения западной границы СССР на польской территории, в связи с чем уже на следующий день Молотов обратился в немецкое посольство с целью уточнения, что первая ст. должна звучать: «разграничиваться реками Писа, Нарев, Висла и Сан». – См.: P. Eberhardt, *Polska granica wschodnia 1939–45*, Варшава 1983, с. 15.

этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия»⁸.

Протокол уже тогда предreshал судьбу Речи Посполитой. Соглашение позволило Гитлеру начать Вторую мировую войну в благополучных для себя условиях, Сталину – незаконно⁹ приобрести новые территории. Как явствует из секретного протокола, после германской агрессии «своевременно» против Польши должен был выступить Советский Союз. Договаривающиеся Стороны секретного протокола не определили точной даты советского вторжения, однако на самом деле Германия сразу после атаки 1 сентября 1939 г. начала переписку с Советским Союзом, в которой она склоняла Сталина как можно быстрее занять восточные районы Польши¹⁰. Сталин намеревался выполнить обязательства, однако ждал, как дальше будут развиваться события, а особенно он ждал реакции западных стран. Для него также была важна пропагандистская подготовка собственной общественности и международного мнения¹¹.

Сталин не хотел, чтобы его признали агрессором¹². Поэтому, в ожидании подходящего момента, советская сторона, согласно секретному

---

⁸ См.: док. 33 в: *Białe plamy. ZSRR–Niemcy 1939–1941*, op. cit., с. 59. Ср.: J. Żołyński, *Włączenie polskich ziem wschodnich do ZSRR (1939–40). Problemy ustrojowe i prawne*, «Acta Universitatis Wratislaviensis. Prawo» № 233, Wrocław 1994, с. 20; Н. von Herwarth, *Między Hitlerem a Stalinem. Wspomnienia dyplomaty i oficera niemieckiego 1931–1945*, Варшава 1992, с. 260–261; P. Eberhardt, op. cit., с. 14. Текст также J. Łojek, op. cit., с. 183–184.

⁹ Стоит подчеркнуть, что в 1989 г. Съезд народных депутатов СССР осудил заключение секретного германо-советского дополнительного протокола от августа 1939 г., а также признал его законно необоснованным и лишенным юридической силы с момента его заключения. – См.: М. М. Наринский, *Przyczyny II wojny światowej. Polska, Związek Sowiecki i kryzys systemu wersalskiego* в: *Białe plamy – czarne plamy*, op. cit., с. 215.

¹⁰ Немцы начали настаивать на Советский Союз уже 3 сентября, что потом повторялось несколько раз. – См.: *Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej*, т. III; Armia Krajowa, Londyn, 1950, с. 5. Ср.: Секретную переписку между Министром иностранных дел Рейха и немецким послом в Москве: телеграмма от 3, 5, 9, 10, 13 и 14 сентября 1939 г., док. 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45 и 46 в: *Białe plamy*, op. cit., с. 77–86.

¹¹ N. S. Lebediewa, *Inwazja Armii Czerwonej. IV rozbiór Polski*, в: *Białe plamy – czarne plamy*, op. cit., с. 290–291.

¹² В телеграмме от 16 сентября 1939 г. немецкий посол в Москве написал Министру иностранных дел Германии: «советское правительство намеревается оправдывать свои действия следующим образом: Польское государство распалось и больше не существует, поэтому перестают действовать все заключенные с Польшей соглашения <...> Советский Союз рассматривает как свое обязательство интервенцию с целью защиты своих украинских и белорусских братьев и с целью дать возможность этим несчастным людям спокойно работать». – Телеграмма № 371 от 16 сентября немецкого посла в Москве Вернера фон дер Шуленбурга к Министру иностранных дел Германии, в: *Białe plamy*, op. cit., с. 90–91.

протоколу, начала подготовку к захвату территорий Польши¹³. Итак, 3 сентября Советская армия была приведена в состояние повышенной боевой готовности, а 7 сентября была издана директива о сосредоточении сил Красной армии в связи с действиями против Польши¹⁴. Параллельно проводилась пропагандистская акция, задачей которой было оправдание будущей агрессии. Доказывалось, что польское государство подверглось распаду, в нем царит хаос, а проживающие там национальные меньшинства, особенно украинцы и белорусы, подвергаются гонениям¹⁵ и следует их защищать. Лишь после соответствующей пропагандистской подготовки, после принятия решения Высшим военным советом союзников от 12 сентября 1939 г. о неказании помощи Польше Францией и Великобританией, а также в связи с усиливающимся давлением немецкой стороны, Сталин решил, что не может больше ждать и 14 сентября определил дату атаки на Польшу на 17 сентября 1939 г.¹⁶

Осуществляемая Сталиным территориальная политика, с момента пересечения советскими войсками польской границы, несомненно, преследовала одну цель – прочно присоединить восточные районы Речи Посполитой к Советскому Союзу. Осуществлению этой задачи способствовала международная ситуация.

При таких обстоятельствах, лишь после нескольких дней, 22 сентября 1939 г. между Вермахтом и Красной армией была установлена демаркационная линия. В принципе она совпадала с постановлениями от 23 августа¹⁷, но по ходатайству советской стороны она была изменена и окончательно закреплена договором от 28 сентября 1939 г.¹⁸ В тот же день был подписан также Договор о дружбе и границе между СССР и Германией¹⁹. Обе стороны признали польский вопрос закрытым. Советская сторона, хотя узаконить свои действия, провела на захваченных территориях референдум. Голосуя «под надзором», население, как следовало ожидать, почти единогласно высказалось за

¹³ См.: Natalija S. Lebediewa, *Inwazja Armii Czerwonej. IV rozbiór Polski*, в: *Białe plamy – czarne plamy*, op. cit., с. 267–270.

¹⁴ *Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941*, ред. К. Jasiewicz, Т. Strzembosz и М. Wierzbicki, Варшава 1996, с. 11.

¹⁵ Более подробно в: J. Łojek, op. cit., с. 59–61; М. Turlejska, *Prawdy i fikcje. Wrzesień 1939–grudzień 1941*, Варшава 1968, с. 106–107.

¹⁶ Ср.: S. Dębski, *Przyczyny II wojny światowej. Polska, Związek Sowiecki i kryzys systemu wersalskiego*, в: *Białe plamy – czarne plamy*, op. cit., с. 175.

¹⁷ P. Enerhardt, op. cit., с. 20.

¹⁸ Текст договора от 28 сентября в: *Zmowa – IV rozbiór Polski*, вступ. слово А. L. Szcześniak, Варшава 1990, с. 146–147.

¹⁹ Ibidem, с. 152, 155 и с. 159.

присоединение занятых Красной армией территорий к белорусской и украинской республикам. Против референдума протестировало Правительство Польши в изгнании²⁰.

После так благополучных результатов голосований Народные Собрания Западной Белоруссии и Западной Украины, соответственно 27 и 29 октября, обратились в Верховный Совет СССР с ходатайством включить эти земли в состав СССР²¹. Решением Верховного Совета СССР от 1 и 2 ноября 1939 г. восточные территории Польши вошли в состав Советского Союза²². Порядок осуществления действий, направленных на их легитимизацию, противоречил действующим положениям международного законодательства.

Вышеназванное решение о присоединении польских земель открыло советской власти путь к осуществлению действий, направленных на политическую, экономическую и общественную интеграцию новых территорий с Советским Союзом. 29 октября 1939 г. Верховный Совет СССР издал указ о получении гражданства СССР жителями западных областей УССР и БССР²³. Поляки, вопреки своему желанию, стали гражданами чужого государства.

Началась почти двухлетняя советская оккупация, во время которой польское население подвергалось гонениям и террору. Эти действия должны были ослабить боевой дух поляков на занятых территориях и доказать, что эти земли не являются этнически польскими. Имели место массовые расстрелы населения, сначала, прежде всего, его интеллигентной части: офицеров, служащих, помещиков, священников, но потом они охватили всех, независимо от профессии и общественного класса.

В действительности уже с момента вторжения Красной армии на восточные территории Речи Посполитой начались первые аресты польских граждан. Сначала они проводились спонтанно и, можно ска-

²⁰ P. Eberhardt, *op. cit.*, с. 70.

²¹ В ходатайстве о включении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики, после изложения о страшной участи угнетенного украинского народа «в бывшем польском государстве», говорилось: «Народное Собрание Украины, воплощая непреклонную волю и надежду народа Западной Украины, решает: ходатайствовать в Верховный Совет СССР о принятии Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик, о включении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики и таким путем осуществить объединение украинского народа в одно государство, о том, чтобы положить конец многовековому разрыву украинского народа». – Приложение № 46 в: А. Sudoł, *Początki sowietyzacji Kresów Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (jesień 1939 roku)*, Быдгощ–Торунь 1997, с. 325–326.

²² См.: J. Czapski, *Na nieludzkiej ziemi*, Париж 1962, с. 59.

²³ N. S. Lebidiewa, *Inwazja Armii Czerwonej. IV rozbiór Polski*, в: *Białe plamy – czarne plamy*, *op. cit.*, с. 290–291.

зять, случайно. Они часто обосновывались на доносах. Потом, когда новая власть начала стабилизироваться, аресты планировались и продолжались вплоть до начала германо-советской войны. Арестам подвергались практически все общественные классы, но внимание советской власти было сосредоточено прежде всего на интеллигенции и на вовлеченных в общественную жизнь людях, хотя таким образом лишит польский народ его элиты²⁴.

Применяемая советским оккупантом политика привела к тому, что на протяжении без малого двух лет оккупации на восточных территориях Речи Посполитой произошли существенные перемены в общественной национальной и экономической сфере. Национально-этнический состав изменился в ущерб полякам. Имели место не только большие потери в населении, но также потери, связанные с переменами в области имущественного состояния отдельных групп населения.

Эти перемены привели к тому, что вопрос польско-советской границы с польской точки зрения все время усложнялся. Свои надежды поляки связывали с германо-советской войной. 30 июля 1941 г. было подписано польско-советское соглашение «Сикорского-Майского», в котором «правительство СССР признает советско-германские договоры от 1939 года, касающиеся территориальных перемен в Польше утратившими силу». Однако однозначно не был выяснен вопрос польско-советской границы. Сикорский питал надежду, что польско-советская граница будет полностью совпадать с той, которая существовала до сентября 1939 г. и что удастся вернуть довоенный *status quo*. Советская сторона утверждала, что вопрос границ не закрыт, но, несмотря на свои слова, она была готова установить границу только на основе «линии Керзона»²⁵.

Вероятно, что хорошей возможностью было предложения Сталина от декабря 1941 г., в котором Польше предлагалось согласиться на новую восточную границу взамен на территориальную компенсацию на западе. В конечном счете правительство Польши в изгнании в марте 1943 г. отказалось от такого решения, но уже тогда «Большая тройка» пришла к соглашению по поводу послевоенной восточной границы Польши²⁶, а у Сталин был альтернативный план решения польского вопроса.

²⁴ D. Cherubin, *Ludność polska w więzieniach i obozach radzieckich w latach 1939–1941*, Варшава 1989, с. 11–17.

²⁵ E. Duraczyński, *Układ Sikorski–Majski*, «Dzieje Najnowsze», № 1, Варшава 1987, с. 109–110.

²⁶ В действительности уже в июле 1941 г. Черчилль поддерживал советскую позицию по поводу определения «этнографических границ» Польши. – См.: J. Karski, *Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Od Wersalu do Jaltty*, Варшава 1989, с. 269.

На самом деле, начиная с 22 июня 1941 г., т. е. с момента, когда Уинстон Черчилль встретил с распростертыми объятиями Советский Союз в кругу союзников, будущее Польши и ее границ стало только результатом трехсторонних британско-американско-советских отношений, своеобразным нежелательным явлением союзников и Советского Союза²⁷. Союзники были прагматично ориентированы, а Сталин действовал решительно и непредсказуемо. Вот почему, еще во время военных действий, до того как «Большая тройка» приняла окончательные решения, несмотря на неофициальные соглашения, достигнутые относительно польских границ на Тегеранской конференции²⁸, советское правительство, чувствуя свою силу по отношению к союзникам, последовательно и решительно выступало за то, чтобы восточная граница проходила по «линии Керзона». Когда британское правительство затягивалось с тем, чтобы дать согласие на такой вариант польско-советской границы²⁹, Сталин делал все возможное, чтобы навязать Польше просоветское правительство³⁰. В письме от 3 марта Сталин убеждал Черчилля, что «польское правительство в Лондоне не в состоянии навязать нормальные отношения с СССР». В тот же день он отправил письмо Авереллу Гарриману, в котором говорилось о том, что «проблема поляков в Лондоне не имеет никакого значения, ибо когда Красная армия освободит Польшу, поляки самостоятельно выберут свое правительство»³¹.

Для того, чтобы осуществить этот план, 23 июня делегаты КРН (Крайова Рада Народова [*Krajowa Rada Narodowa*]), а также руководство Союза польских патриотов [*Związek Patriotów Polskich*], получили приглашение в Кремль. Во время встречи со Сталиным обсуждался вопрос

---

²⁷ J. Gajdel, *Międzynarodowe aspekty inkorporacji kresów wschodnich w latach 1939–1945*, в: *Sowietyzacja Kresów Wschodnich II Rzeczypospolitej po 17 września 1939*, ред. А. Sudoł, Быдгощ 1998, с. 365.

²⁸ Согласно соглашению, восточная граница должна была совпадать с «линией Керзона», оставляя Вильнюс по стороне Литвы. – J. Karski, *op. cit.*, с. 310; А. Paczoska, *Dzieci Jaltę. Exodus ludności polskiej z Wileńszczyzny w latach 1944–1947*, Торунь 2003, с. 73.

²⁹ Относительно разговоров Черчилля с правительством Польши в изгнании см.: J. Karski, *op. cit.*, с. 322–325.

³⁰ Уже в феврале 1943 г. Сталин принял решение о учреждении газеты «Wolna Polska» и о создании для нее базы в виде Союза польских патриотов [*Związek Patriotów Polskich*]. Первое издание появилось 1 марта 1943 г., а первый съезд Союза польских патриотов прошел 9–10 июня того же года. Несмотря на то, что Сталин еще в мае 1943 г. утверждал, что СПП на является началом будущего польского правительства, то идея создания такого правительства появилась, вероятно, в октябре, может быть, что даже в июле 1943 г. а сама идея так называемой левой альтернативы решения польского вопроса появилась уже в 1942 г. – К. Kersten, *Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948*, Познань 1990, с. 17–23; Ср.: W. Materski, *Polityka i jej skutki*, в: *Białe plamy – czarne plamy*, *op. cit.*, с. 372–373.

³¹ Цит. по: J. Karski, *op. cit.*, с. 326.

создания Польского комитета национального освобождения [*Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego*] и формирования его программы. Уже на следующий день, т. е. 24 июня 1944 г., в обращении к Франклину Рузвельту Сталин подчеркнул, что созданная в Польше в ночь с 31 декабря 1943 г. на 1 января 1944 г. Крайова Рада Народова является главным претендентом на власть³².

Окончательно созданный 21 июля 1944 г., политически зависимый от СССР, Польский комитет национального освобождения³³, несмотря на возражения польского правительства в Лондоне, уже 26 июля 1944 г. подписал соглашение об отношениях между Советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши³⁴, а 27 июля соглашение о польско-советской государственной границе.

Основой новой границы послужила «линия Керзона». Линия эта приблизительно проходит так: Гродно–Немиров–Брест–Дорогуск, восточнее Грубешова и Перемышля до Карпат. Окончательно польско-советская граница была принята в такой форме на Крымской конференции³⁵, далее на Потсдамской конференции, а 16 августа 1945 года был подписан договор между СССР и Польшей об окончательном определении советско-польской границы³⁶.

Поддавая формально-правовой оценке вышеназванное соглашение об определении советско-польской границы, следует подчеркнуть, что вызывает сомнения юридическая сила договора от 27 июля 1944 г., так как у Польского комитета национального освобождения не было компетенции, чтобы этот договор заключить. Он не обладал правовой легитимностью на международном уровне, позволяющей подписать соглашение об определении советско-польской границы от имени польского государства³⁷. В это время действовало признан-

³² W. S. Parsadowa, *Białe plamy – czarne plamy*, op. cit., с. 403.

³³ ПКНО был создан 21 июля 1944 г. Крайовой Радой Народовой, действующей по соглашению с советским правительством. Изданный ПКНО «Manifest» был подробно обсужден со Сталиным.

³⁴ Архив новых актов [*Archiwum Akt Nowych*], ПКНО в г. Люблине, I/14, Соглашение об отношениях между Советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши, Москва 26 июля 1944 г., с. 2.

³⁵ Во время состоявшейся 4–11 февраля 1945 г. Крымской конференции, по польскому вопросу было установлено, что восточная граница Польши должна проходить по «линии Керзона», и чтобы возместить Польше потерю около половины своей территории, она получит новые территории за счет Германии. Однако вопрос возмещения не обсуждался подробно. – D. Sula, *Działalność przesiedleńczo-repatriacyjna PUR w latach 1944–1951*, Люблин 2002, с. 75.

³⁶ P. Żaroń, *Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej*, Варшава 1990, с. 332.

³⁷ W. Czapliński, *Wybrane problemy prawne związane z paktem Hitler–Stalin*, «Przegląd Zachodni» 1991 № 3, с. 88; L. Antonowicz, *Status prawnomiędzynarodowy Rzeczypospolitej Ludowej*, «Annales Univer-

ное международным сообществом Правительство Польши в изгнании в Лондоне, так как ПКНО не был даже признан *de iure* Советским Союзом³⁸. Может быть, что именно поэтому не произошло обнародование закона. Несмотря на то, что юридическая сила соглашения подвергалась сомнению, оно стало отправной точкой к заключению, уже в сентябре 1944 г., республиканских договоров об эвакуации населения и репатриации в то время, когда восточные земли Речи Посполитой были еще *de iure* частью польского государства. Кроме этого, решение об эвакуации населения было принято, когда еще не вся территория Польши была освобождена.

Заключение соглашения об определении советско-польской границы имело для Советского Союза ключевое значение. Об этом свидетельствует содержание протоколов заседаний ПКНО от 24 и 25 июля 1944 г.³⁹ Как отмечалось, «правительство СССР категорично ставило вопрос определения советско-польской границы до заключения договора с администрацией»⁴⁰. Польская сторона подготовила 25 июля «альтернативный проект восточных рубежей»⁴¹, который она намеревалась представить во время обсуждения с советской стороной. Еще в тот же день, после обсуждения с советской стороной, во время второго за этот день заседания ПКНО, был принят окончательный проект границ. «Эдвард Осубка-Моравский, Винценты Витос, Ян Грубецки, Болеслав Дробнер, Михал Роля-Жимерский, Хилари Минц – все они принимали участие в переговорах по вопросу границы, и все они единогласно согласились (во время заседания ПКНО – [примечание Анны Коженевской-Ласоты]), что все, что было достигнуто – это было максимум

---

sitatis Mariae Curie-Skłodowska» 2000, sectio G (prawo), т. XLVII, с. 11; R. Kwiecień, *Charakter prawny i znaczenie umów repatriacyjnych z 9 i 22 września 1944 roku*, «Przegląd Sejmowy» 2005, № 4, с. 10. Противоположную позицию, подтверждающую юридическую силу заключенного договора, занимает, напр.: L. Gelberg, *Powstanie Polski Ludowej*, Варшава 1970, с. 58.

³⁸ Лишь 1 августа ПКНО был «торжественно встречен» советским правительством, а также было объявлено о скором обмене «дипломатическими представителями». – См.: W. Materski, *Polityka i jej skutki*, op. cit., с. 384. Ср.: W. Czapliński, op. cit., с. 88.

³⁹ Архив новых актов, ПКНО, 223/15, Протокол № 6, 7 и 8 от 24 и 25 июля 1944 г. заседания ПКНО, с. 15–17.

⁴⁰ Ibidem, Протокол № 6 заседания ПКНО от 24 июля 1944 г., с. 15.

⁴¹ Комиссия по разработке «альтернативного проекта восточных рубежей» представила на заседании следующий проект, который единогласно был принят: 1) «линия Керзона» не должна подвергаться поправкам, идущим в ущерб Польши, 2) раздел территории Восточной Пруссии на польскую и советскую части должен учитывать более широкий доступ к морю и 3) следует обратиться за поправками к «линии Керзона» [в оригинале на польском языке слово «линия», написано с ошибкой «linji» – примечание Анны Коженевской-Ласоты], так чтобы она учитывала право Польши на Беловежскую пушу и возможное присоединение Львова и нефтяного бассейна к Польше. – Архив новых актов, ПКНО, 223/15, Протокол № 7 ПКНО от 25 июля 1944 г. с. 16.

того, чего можно было добиться. Следующие требования грозили тем, что советская сторона могла совсем прервать переговоры. Уступку советской стороны по вопросу Беловежской пуши в этих условиях следует рассматривать как успех»⁴².

Установление границ было также необходимо для проведения репатриации польского населения с востока. Республиканские договоры были своеобразным продолжением соглашения об определении советско-польской границы от 27 июля 1944 г. Их заключение и проведение на их основе переселений является продолжением ранней, описанной выше, политики фактов Сталина, заключающейся в том, чтобы сначала осуществить аннексию восточных районов Польши, а потом их деполонизацию⁴³.

Именно по инициативе Москвы⁴⁴ 9 сентября 1944 г. в г. Люблине были заключены два соглашения: между Польским комитетом национального освобождения и Правительством Белорусской Советской Социалистической Республики об эвакуации польского Населения [*в оригинале на польском языке слово «население», написано с прописной буквы, – примечание Анны Кожневской-Ласоты*] с территории БССР и белорусских граждан с территории Польши⁴⁵, а также между Польским комитетом национального освобождения и Правительством Украинской Советской Социалистической Республики об эвакуации польского населения с территории УССР и украинских граждан с территории Польши⁴⁶.

С польской стороны договор подписал «по уполномочию ПКНО» председатель ПКНО Эдвард Осубка-Моравский, по уполномочию Белорусского Правительства ССР – председатель Совета народных комиссаров Белорусской ССР – Пантелеймон Пономаренко⁴⁷, с украинской – председатель Совета народных комиссаров УССР Никита Хрущев⁴⁸. Договоры не были обнародованы в официальном органе печати т. е. в «Дзеннике устав [*Dziennik ustaw*]

⁴² Архив новых актов, ПКНО, 223/15, Протокол № 8 заседания ПКНО от 25 июля 1944 г., с. 17.

⁴³ Wyszynski Robert, *Przesiedlenia ludności polskiej z ZSRR w latach 1920–1960*, Studia BAS 2013, № 2, с. 115.

⁴⁴ J. Wieliczka-Szakowa, *Czarna Księga Kresów*, Краков 2011, с. 300.

⁴⁵ См.: Архив новых актов, МИД в Варшаве, № 610/9, к. 1–9, а также ПКНО, I/140, с. 1–5.

⁴⁶ Ibidem, с. 12–19.

⁴⁷ Архив новых актов, МИД в Варшаве, № 610/9, Соглашение между ПКНО и Правительство Белорусской ССР об эвакуации польского населения с территории Белорусской ССР и белорусского населения с территории Польши от 9 сентября 1944 г., с. 1–9.

⁴⁸ Ibidem, Соглашение между ПКНО и Правительством Украинской ССР об эвакуации польского населения с территории Украинской ССР и украинского населения с территории Польши от 9 сентября 1944 г., с. 12–19.

Содержание договоров особенно не обсуждалось. Проект договора с БССР обсуждался лишь на заседании ПКНО 9 сентября, т. е. в день его заключения. Проект прочитано, а во время прений говорилось, в частности, о том, что «объявление о заключении договора не должно отражать его содержания», и что «оно имеет существенное значение для населения, тем более, что договор не будет опубликован в печати»⁴⁹.

Республиканские договоры были заключены, как потом писали в программе работы ПКНО, исходя из «единственного правильного и морального принципа самоопределения народов и их права на распоряжение своей судьбой», «для того, чтобы больше не возникали претензии, для того, чтобы раз и навсегда исключить антагонизм между народами, для того, чтобы население могло самостоятельно решить, где желает жить, гражданами которого государства желает быть»⁵⁰.

В тот же день, когда были заключены договоры, т. е. 9 сентября 1944 г., во время заседания Крайовой Рады Народовой, договоры были ратифицированы⁵¹. Как явствует из протоколов заседания, обсуждение договоров не длилось долго. Во время разговора было сказано, что эвакуация в зимний период повлечет за собой санитарную катастрофу, на что Осубка-Моравский и Винценты Жимовский ответили, что «поляки во что бы то ни стало требуют эвакуации, так как украинцы за границей их режут». Окончательно договоры были приняты большинством голосов, при одном голосе «против» и одном «воздерживаюсь».

Стоит подчеркнуть, что во время того же заседания Крайова Рада Народова единогласно приняла заявление, направленное в ПКНО, в котором говорилось о том, чтобы как можно быстрее заключить одинаковый договор об эвакуации с Литовской Советской Социалистической Республикой. Как следует из заявления: «Крайова Рада Народова, ратифицируя договоры с Правительством Украинской ССР и с Правительством Белорусской ССР о взаимной эвакуации населения, призы-

⁴⁹ Архив новых актов, ПКНО в г. Люблине, I/4, Протокол заседания от 9 сентября 1944 г., с. 115–116.

⁵⁰ Так написано в рабочей программе ПКНО, спустя несколько недель от его учреждения, подводя оценку его деятельности в области зарубежной политики. – Архив новых актов, Бюро Президиума Крайовой Рады Народовой в г. Варшаве [*Biuro Prezydialne Krajowej Rady Narodowej w Warszawie*], 1943–1947 [1948], 579/6, с. 61–62.

⁵¹ Факт ратификации договоров для польских историков является спорным вопросом. – См., напр.: S. Gebethner, *Układy republikańskie nie musiały być ratyfikowane*, «Rzeczpospolita» № 32 от 7–8 февраля 2004 г., с. С3; M. Masternak-Kubiak, *Glosa do wyroku SN* № акт I СК 323/02. Вопрос ратификации договоров рассматривался также в Верховном Суде, см.: решение Верховного Суда по делу I СК 323/02, решение Конституционного трибунала Польши от 19 декабря 2002 г. к 33/02.

вает ПКНО как можно быстрее заключить аналогичный договор также с Литовской ССР»⁵².

На следующий день, 10 сентября 1944 г. в печати появилась информация о заключении договоров. Из газеты «Rzeczpospolita» следовало, что договоры с Украинской и Белорусской ССР были подписаны после проходящих в последние дни переговоров, касающихся их заключения. В статье коротко описаны главные постановления договоров⁵³.

Чтобы подчеркнуть «значение договоров в контексте развития дружеских отношений с соседями-славянами»⁵⁴ была начата пропагандистская работа. Отделение пропаганды польской армии [*Wydział Propagandy Wojska Polskiego*] советовало тщательным образом познакомить всех солдат с содержанием и значением договоров. Говорилось, что «заключенные договоры являются обоюдным искренним и намеренным результатом и актом доброй воли <...> они делают возможным для всех разбросанных представителей славянских братских народов территориально соединиться со своей родиной, <...> договоры являются актом великого политического разума, новым шагом к укреплению прочного союза соседних славянских народов и усилению сил славянского мира и Польши по отношению к Германии»⁵⁵.

После заключения договоров с Украинской и Белорусской ССР власти, согласно с ходатайством Крайовой Рады Народовой, начали заниматься заключением договоров об эвакуации из Литовской ССР. Как следует из протоколов заседаний ПКНО, для польской стороны было важно, чтобы быстро провести эвакуацию. На заседании ПКНО 21 сентября 1944 г. Осубка-Моравский высказывался следующим образом: «Правительство Польши в изгнании агитирует за то, чтобы поляки не переезжали из Вильнюса и Львова. В связи с этим часть людей останется. Следует урегулировать вопрос раз и навсегда, не только формально. Что касается Вильнюса, то там особая обстановка, так как ПКНО по очевидным соображениям не занимался там пропагандой. Поэтому сжатие сроков так важно»⁵⁶.

⁵² Архив новых актов, Бюро Президиума Крайовой Рады Народовой в г. Варшаве, 1943–1947 [1948], 579/6, с. 1–5.

⁵³ Ibidem, «Rzeczpospolita» № 39 от 10 сентября 44 г., с. 390 и 392.

⁵⁴ Аспект польско-украинской дружбы, в контексте заключения договора с Украинской ССР, подчеркивался также Н. Хрущевым. По крайней мере, так он писал Осубке-Моравскому в письме от 2 октября 1944 г., – Архив новых актов, ПКНО, I/16, Письмо Хрущева к Осубке-Моравскому от 2 октября 1944 г., с. 1.

⁵⁵ Архив новых актов, Бюро Президиума Крайовой Рады Народовой в г. Варшаве, 1943–1947 [1948], 579/6, Относительно договоров между ПКНО и правительствами Украинской и Белорусской ССР, заключенных 9 сентября 1944 г., *Monitor Polski* от 12 сентября 1944 г., с. 414–415.

⁵⁶ Архив новых актов, ПКНО, I/4, Протокол заседания от 21 сентября 1944 г., с. 141.

Во время обсуждения проекта, прочитанного Осубкой-Моравским, были затронуты «некие проблемные вопросы», которые в дальнейшем должны были быть обсуждены с литовской делегацией. Дело касалось, в частности, сроков эвакуации, в также вопроса возмещения эвакуированным стоимости оставленного ими во время репатриации движимого и недвижимого имущества.

Во время встречи с литовской делегацией, после короткого обсуждения содержания договора, решено изменить ст. 3 п. 6 путем добавления слов: «за исключением земель». Было установлено, что регистрация людей, подлежащих эвакуации, начнется 1 октября 1944 г., а репатриация будет проводиться в период с 1 декабря 1944 г. по 1 апреля 1945 г. Решено также, что договор будет подписан на следующий день, т. е. 22 сентября⁵⁷. Именно так все произошло. От имени польской стороны договор подписал Председатель ПКНО Осубка-Моравский, а от литовской – Председатель Союза народных комиссаров Литовской ССР – Мечисловас Гедвилас⁵⁸.

В связи с заключением 22 сентября 1944 г. договора с Литовской ССР, в печати появилось соответствующее объявление⁵⁹. Как и в случае двух первых договоров, не состоялось обнародование закона в официальном органе печати, т. е. в «Дзеннике устав»⁶⁰.

Все три договора об эвакуации, с точки зрения композиции и содержания, были почти одинаковые. Они состояли из 22 статей, разделенных на 3 главы: Общие положения, Уполномоченные и представители, а также Организация эвакуации. Существо дела заключалось в «Общих положениях», в которых, в частности, определено, в 1 ст., субъекты, подлежащие эвакуации, т.е. всех поляков и евреев, являющихся гражданами Польши до 17 сентября 1939 г. и проживающих до этого дня на территории Польши. Эвакуации из Польши подлежали лица бело-

---

⁵⁷ Ibidem, Протокол заседания ПКНО от 21 сентября 1944 г., с. 139–143.

⁵⁸ Считается, что в день заключения договор ПКНО не обладал уже юридической силой, позволяющей ему выступать от имени польского государстве «вне» Польши. Компетенцию ПКНО получил Председатель Крайовой Радой Народовой, вот почему договор, заключенный между ПКНО и Литовской ССР, считается межправительственным, а не международным договором. – См.: K. Michniewicz-Wanik, *Mienie zabużańskie. Prawne podstawy realizacji roszczeń*, Вроцлав 2008, с. 28–29. В польской доктрине преобладает взгляд, что ПКНО не может рассматриваться как конституционный орган суверенного государства, обладающий нужной демократичной легитимностью, принимающий от его имени суверенные решения. См.: Решение Конституционного трибунала Польши от 19 декабря 2002. К 33/02.

⁵⁹ Архив новых актов, ПКНО, I/17, Союз польских патриотов, Республиканское управление в Литовской Советской Социалистической Республике к ПКНО в г. Люблине, с. 13–13. См.: W. Ramus, *Prawo o obywatelstwie polskim*, Варшава 1968, с. 204–206.

⁶⁰ A. Grzesiok-Horosz, *Umowy republikańskie jako podstawa prawna roszczeń Zabużan*, «Opolskie Studia Administracyjno-Prawne» 2010, т. 7, с. 119.

русской, украинской, русской, русинской и литовской национальностей, проживающие на польской территории в понимании июльского соглашения об определении советско-польской границы.

В договорах *expressis verbis* указывается, что «эвакуация добровольна и поэтому нельзя прибегать к принуждению как к непосредственному, так и к опосредованному». Желание принятия участия в эвакуации могло быть выражено как в устной, так и в письменной форме, но для осуществления выезда требовалось согласие обеих сторон. Поляки, подлежащие эвакуации, должны были получить компенсацию в связи с оставленным на покидаемой территории имуществом⁶¹.

Договоры отличались друг от друга сроками регистрации и эвакуации людей⁶², подлежащих переселению, территорией республик, с которых население должно эвакуироваться, местонахождением резиденции представителей ПКНО в отдельных республиках и представителей республик в Польше.

Существенно отличался договор с Литовской ССР. В части, касающейся возмещения эвакуированным стоимости оставленного ими во время репатриации движимого и недвижимого имущества, как уже выше подчеркивалось, была сделана оговорка, что возмещение стоимости оставленного движимого и недвижимого имущества не включает в себя земель⁶³.

В связи с тем, что скоро после начала репатриации появились проблемы интерпретации положения⁶⁴, а также оказалось невозможным эвакуировать население в определенные договорами сроки, был принят протокол об обновлении содержания [*protokół uzupełniający*]⁶⁵, (кото-

⁶¹ Архив новых актов, Государственное управления по делам репатриации [*Państwowy Urząd Repatriacyjny*], Решение принято 13 ноября 1945 г. на заседании Совета министров, с. 97.

⁶² Согласно договору с Литовской ССР эвакуация на уже освобожденных территориях должна была начаться 1 декабря 1944 г. и закончиться 1 апреля 1945 г., а на территориях Польши и Литвы, которые в день заключения договора не были еще освобождены – на месяц позже после изгнания противника и закончиться на протяжении трех месяцев. Согласно с постановлениями договоров с Белорусской и Литовской ССР, эвакуация должна была состояться в то же время, с 15 октября 1944 г. до 1 февраля 1945 г.

⁶³ Ст. 3 п. 6 Договора с Литовской ССР. – Архив новых актов, ПКНО, VII/15, Договора ПКНО с Литовской ССР, с. 1–8.

⁶⁴ Архив новых актов, Генеральный уполномоченный представитель польского правительства по делам репатриации [*Generalny Pełnomocnik Rządu RP do Spraw Repatriacji*], 522/1, Спорные вопросы при заключении договора с Белорусской Республикой, с. 5; См., напр.: Архив новых актов, Министерство иностранных дел в г. Варшаве, 610/9, Порядок осуществления договора между Правительством СССР и ПКНО об эвакуации населения с территории Польши и польских граждан с территории СССР, с. 28–43.

⁶⁵ Архив новых актов, Генеральный уполномоченный представитель польского правительства по делам репатриации, 522/1, Дополнительный протокол от 25 ноября 1945 г. к Соглашению между ПКНО и Правительством Белорусской ССР от 9 сентября 1944 г. об эвакуации поль-

рый удлинит сроки учета людей, подлежащих эвакуации⁶⁶, а также сами сроки эвакуации⁶⁷), приняты также дополнительные протоколы [*protokół dodatkowy*]⁶⁸, в которых договаривающиеся стороны уточнили содержание отдельных статей и пунктов договора. Появилась также многостраничная «инструкция по исполнению» договоров, в которой уточнялись содержащиеся в них постановления⁶⁹.

В некоторой степени осуществление постановлений завершилось в момент заключения 6 июля 1945 г. договора обеспечения права лицам польской и еврейской национальностей, проживающим в СССР, на смену советского гражданства и на эвакуацию в Польшу, а также обеспечения права лицам белорусской, украинской, русской, русинской и литовской национальностей, проживающим на территории Польши, на смену польского гражданства и на эвакуацию в СССР⁷⁰.

21 июля 1952 г. стороны заключили договор о взаимных расчетах, касающихся перемещения населения, в которых они также признали выполненными взаимные требования, существующие на основе республиканских договоров и договора с СССР от 1945 г.⁷¹ Таким образом процесс осуществления договоров формально закончился. Стороны согласились, чтобы с момента заключения договоров все взаимные требования, вытекающие как из республиканских договоров, так и из договора с СССР от 6 июля 1945 г., касающиеся смены гражданства, признать окончательно урегулированными.

ского населения с территории Белорусской ССР и белорусского населения с территории Польши, с. 1–2; Архив новых актов, МИД в г. Варшаве, 610/9; Дополнительный протокол к Соглашению между ПКНО и Правительством Украинской ССР от 9 сентября 1944 г. (14 декабря 1945 г.) об эвакуации польского населения с территории Украинской ССР и украинского населения с территории Польши, с. 23–24. 10 декабря 1945 г. был заключен дополнительный протокол к соглашению с Литовской ССР. – Архив новых актов, МИД в г. Варшаве, 610/9.

⁶⁶ С Белорусской и Украинской ССР срок регистрации был продлен к 15 января 1946 г., а с Литовской ССР – к 31 января 1946 г.

⁶⁷ С Белорусской, Украинской и Литовской ССР к 15 июня 1946 г.

⁶⁸ Архив новых актов, Генеральный уполномоченный представитель польского правительства по делам репатриации, 522/1, Дополнительный протокол к Соглашению между ПКНО и Правительством Белорусской ССР об эвакуации польского населения с территории Белорусской ССР и белорусского населения с территории Польши, с. 8–12.

⁶⁹ *Ibidem*, Инструкция по исполнению договора, заключенного между ПКНО и Правительством Украинской ССР, об эвакуации украинского населения с территории Польши и польских граждан с территории Украинской ССР.

⁷⁰ Архив новых актов, Союз польских патриотов, 130/8, с. 85–88.

⁷¹ Архив новых актов, МИД в г. Варшаве, 610/9, Договор от 21 июля 1952 г. между Правительством Польши, с одной стороны, и Правительством СССР, Правительством УССР, Правительством БССР и Правительством Литовской ССР, с другой стороны, о взаимных расчетах, вытекающих из эвакуации населения и делимитация государственной польско-советской границы, с. 65–67.

Подводя итог, начало республиканских договоров связано с событиями 17 сентября 1939 г. Оно касается также тех событий, которые привели к германо-советскому сближению и к «четвертому разделу» Польши, и далее к сформированию послевоенных границ Польши, так как это хотел Сталин, осуществляющий свою территориальную политику. Спустя 70 лет после заключения договоров по-прежнему обсуждаются причины их заключения, ход репатриации, а, прежде всего, последствия неосуществленных до сих пор прав переселенцев на возмещение за оставленное ими имущество вне пределов настоящей Польши.

Wykaz bibliograficzny: źródła, literatura, orzecznictwo

Źródła archiwalne

Archiwum Akt Nowych w Warszawie

Biuro Prezydyjne Krajowej Rady Narodowej w Warszawie, 1943–1947 [1948]: 579/6.

Generalny Pełnomocnik Rządu RP do Spraw Repatriacji: 522/1.

Ministerstwo Spraw Zagranicznych w Warszawie: 610/9.

PKWN w Lublinie: I/4; I/14; I/16; I/17; 233/15; VII/15; XI/3.

Związek Patriotów Polskich: 130/8.

Literatura

Antonowicz L., *Status prawnomiędzynarodowy Rzeczypospolitej Ludowej*, „Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska” 2000, sectio G (prawo), t. XLVII.

Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008), Warszawa 2010.

Białe plamy. ZSRR–Niemcy 1939–1941. Dokumenty i materiały dotyczące stosunków radziecko-niemieckich w okresie od kwietnia 1939 r. do lipca 1941 r., Wilno 1990.

Cherubin D., *Ludność polska w więzieniach i obozach radzieckich w latach 1939–1941*, Warszawa 1989.

Czapliński W., *Wybrane problemy prawne związane z paktem Hitler–Stalin*, „Przegląd Zachodni” 1991, nr 3.

Czapski J., *Na nieludzkiej ziemi*, Paryż 1962.

Dębski S., *Przyczyny II wojny światowej. Polska, Związek Sowiecki i kryzys systemu wersalskiego*, w: *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)*, Warszawa 2010.

- Duraczyński E., *Układ Sikorski–Majski*, „Dzieje Najnowsze”, z. 1, Warszawa 1987.
- Eberhardt P., *Polska granica wschodnia 1939–45*, Warszawa 1983.
- Gajdel J., *Międzynarodowe aspekty inkorporacji kresów wschodnich w latach 1939–1945*, w: *Sowietyzacja Kresów Wschodnich II Rzeczypospolitej po 17 września 1939*, pod red. A. Sudoła, Bydgoszcz 1998.
- Gebethner S., *Układy republikańskie nie musiały być ratyfikowane*, „Rzeczpospolita” 2004, nr 32.
- Gelberg L., *Powstanie Polski Ludowej*, Warszawa 1970.
- Grzesiok-Horosz A., *Umowy republikańskie jako podstawa prawna roszczeń Zabuzan*, „Opolskie Studia Administracyjno-Prawne” 2010, t. 7, s. 119.
- H. von Herwarth, *Między Hitlerem a Stalinem. Wspomnienia dyplomaty i oficera niemieckiego 1931–1945*, Warszawa 1992.
- Karski J., *Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945. Od Wersalu do Jałty*, Warszawa 1989, s. 269.
- Kersten K., *Narodziny systemu władzy. Polska 1943–1948*, Poznań 1990.
- Kwiecień R., *Charakter prawny i znaczenie umów repatriacyjnych z 9 i 22 września 1944 roku*, „Przegląd Sejmowy” 2005, nr 4.
- Lebiediewa N.S., *Inwazja Armii Czerwonej. IV rozbiór Polski*, w: *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)*, Warszawa 2010.
- Lebiediewa N.S., *Inwazja Armii Czerwonej. IV rozbiór Polski*, w: *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)*, Warszawa 2010.
- Lojek J., *Agresja 17 września 1939*, Warszawa 1990.
- Masternak-Kubiak M., *Glosa do wyroku SN sygn. akt I CK 323/02*.
- Materski W., *Polityka i jej skutki*, w: *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)*, Warszawa 2010.
- Michniewicz-Wanik K., *Mienie zabużańskie. Prawne podstawy realizacji roszczeń*, Wrocław 2008.
- Narinskij M.M., *Przyczyny II wojny światowej. Polska, Związek Sowiecki i kryzys systemu wersalskiego*, w: *Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)*, Warszawa 2010.
- Okupacja sowiecka (1939–1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941*, red. K. Jasiewicz, T. Strzembosz i M. Wierzbicki, Warszawa 1996.
- Paczoska A., *Dzieci Jałty. Exodus ludności polskiej z Wileńszczyzny w latach 1944–1947*, Toruń 2003.
- Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej*, t. III; *Armia Krajowa*, Londyn, 195.
- Ramus W., *Prawo o obywatelstwie polskim*, Warszawa 1968, s. 204–206.
- Sudoł A., *Początki sowietyzacji Kresów Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (jesień 1939 roku)*, Bydgoszcz–Toruń 1997.

Sula D., *Działalność przesiedleńczo-repatriacyjna PUR w latach 1944–1951*, Lublin 2002.

Turlejska M., *Prawdy i fikcje. Wrzesień 1939–grudzień 1941*, Warszawa 1968.

Wandycz P., *Okruchy historii. Telegram ambasadora Steinhardta*, „Zeszyty Historyczne”, Paryż 1988, z. 84.

Wieliczka-Szakowa J., *Czarna Księga Kresów*, Kraków 2011.

Wyszyński R., *Przesiedlenia ludności polskiej z ZSRR w latach 1920–1960*, Studia BAS 2013, nr 2.

Żaroń P., *Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej*, Warszawa 1990.

Żołyński J., *Włączenie polskich ziem wschodnich do ZSRR (1939–40). Problemy ustrojowe i prawne*, „Acta Universitatis Wratislaviensis. Prawo”, nr 233, Wrocław 1994.

Orzeczenia

Wyrok SN w sprawie I CK 323/02.

Wyrok TK z 19 grudnia 2002 r., K 33/02.